

За три месяца, прошедшие с начала обучения, Ху Пэй не раз сталкивался в Государственном университете с восьмым принцем Сюаньюань Дуанем. Благодаря постоянному сопровождению столь высокой особы наглые студенты наконец перестали преграждать ему путь и глазеть на него как на диковинного зверя.

Ху Пэй вздохнул с облегчением, получив возможность полностью посвятить себя наукам.

Его нынешним наставником был Великий историограф — один из шести высших министров Великой Чжоу, под чьим началом обучалось бесчисленное множество учеников, среди которых числились известнейшие мудрецы современности. Эти почтенные мужи, посвятившие себя преподаванию, не желали иметь ничего общего с придворной вознёй; их безупречная добродетель вызвала искреннее благоговение.

С каждым днём Ху Пэй всё ярче проявлял свой острый ум, скромность и мягкий, бесконфликтный нрав. Его утончённое изящество снискало глубокое расположение великих учёных. Наставники не просто покровительствовали юноше, но и стремились без утайки передать ему все свои знания.

Ху Пэй невольно начал испытывать лёгкую гордость за собственные успехи.

Однако Повелитель Грома, временно занявший тело белой лисы, поспешил вернуть его к реальности:

— Чем теснее ты сближаешься со своим истинным телом, тем глубже лисья сущность проникает в твою душу. Твоя внешность обретает опасное, манящее очарование лисьего племени, способное дурманить разум. В этом нет твоей заслуги, так что нечем тут гордиться. Со временем ты начнёшь привлекать к себе взгляды окружающих помимо воли. И учти: эта чарующая магия одинаково действует как на мужчин, так и на женщин.

Ху Пэй лишь недовольно передёрнул плечами, досадуя на ворчливого лже-лиса.

И всё же, стоило ему прижать к себе пушистого Фэйбая, как он терял всякую волю — точно так же, как заядлый любитель кошек не может отказать себе в удовольствии потискать питомца.

Священная печать Чистой башни, сокрытая в его теле, неудержимо влекла душу к её физическому сосуду. Как только сгущались сумерки, Ху Пэй инстинктивно укладывался спать в обнимку с Фэйбаем, восстанавливая и укрепляя свои духовные силы.

Тем временем в университете, когда студенты заметили, что Сюаньюань Дуань неотступно следует за Ху Пэем, их первоначальный интерес перерос в двусмысленные слухи.

Одни утверждали, что молодые люди обрели друг в друге родственные души. Другие шептались, будто восьмой принц покорён выдающимся талантом юноши. Самые же

злословные намекали, что неопытный и далёкий от политики Ху Пэй уже завлечён в лагерь принца, став его тайным фаворитом.

На самом деле перед Сюаньюань Дуанем стояли ещё семь старших братьев.

Первые пять принцев были близки по возрасту. Они либо уже всю жизнь занимались государственными делами в совете, либо проходили суровую школу в рядах Железной армии Сюаньюаня, либо совершенствовались под началом великих мастеров.

Шестой, седьмой и восьмой принцы составляли следующую возрастную ступень. Разница со старшими братьями почти в десять, а то и в двенадцать лет лишала их весомого влияния при дворе и лишала права голоса в решении важных вопросов.

В прошлом году, когда шестой принц Сюаньюань Юэ оканчивал обучение, император Дигэн спросил, чем тот желает заняться.

Принц ответил:

— Я хотел бы остаться лишь праздным аристократом, отец. Но если тебе будет угодно возложить на меня обязанности, я безропотно подчинюсь твоему указу.

Император Дигэн, старый и мудрый правитель, легко разгадал эту нехитрую попытку отступить ради будущего броска. Владыка решил лично преподать сыну урок. В итоге Сюаньюань Юэ действительно превратился в совершенно праздного бездельника.

Лишённый забот, он проводил всё время под цветущими деревьями, расточая нежные слова Ху Юньшань. Их чувства крепились с каждым днём. Они лишь ждали, когда девушке исполнится шестнадцать лет, чтобы она могла досрочно завершить обучение и выйти за него замуж.

Что касается седьмого принца, Сюаньюань Буцзи, то он полностью оправдывал своё имя, означавшее «Необузданный». Прогулы, драки с наставниками — его послужной список пестрел проделками. Но он не был обделён талантом и страстно любил живопись. Окончательно доведя учителей, он покинул университет и теперь повсюду следовал за третьим принцем, Сюаньюань Сюанем, перенося на холсты суровую и яростную мощь военных смотров Железной армии. Пожалуй, среди всей императорской семьи он слыл самым неординарным человеком.

Восьмой принц Сюаньюань Дуань должен был завершить обучение в этом году, после чего его также ждало назначение. Помня об ошибке шестого брата, он не смел шутить с императором и искал иную опору.

Внешне двор Великой Чжоу казался тихой гаванью, но в глубине давно бушевали нешуточные страсти. Первые пять принцев уже укрепили свои позиции в совете и армии, а некоторые перенимали тайные знания у князя Сюаня в Восточных пригородах.

За прошедшие три месяца Сюаньюань Дуань до конца оценил расстановку сил. Его стремление сблизиться с Ху Пэем объяснялось не только слабостью к его редкой красоте. Главной целью принца было переманить на свою сторону этот блестящий ум, чтобы сделать его своим верным советником.

Пристальное внимание двух принцев к юным отпрыскам дома Ху у многих вызывало зависть и раздражение. В кулуарах шептались: чем же семья Ху так заслужила милость высочайших особ? Полные сомнений, студенты несли эти разговоры в свои дома, делаясь ими с отцами-чиновниками.

В прошлом году Ху Юньшэнь советовал Чао Гану заботиться о чести семьи, а теперь, по иронии судьбы, Чао Ган сам поджидал его у дороги, ведущей из дворца.

Он стоял у края пути неподалёку от Великого золотого дворца, спрятав руки в широкие рукава чёрного официального платья с багряной каймой. Провожая взглядом расшитый узорами алебардный пояс великого церемониймейстера, Чао Ган тихо усмехнулся.

Сделав шаг навстречу для приветствия, он не сумел полностью скрыть острый, расчётливый блеск в глазах. Это был на редкость сложный человек — одинаково сведущий и в ратном деле, и в тонкостях книжной мудрости, способный быть как грубым воином, так и проницательным стратегом. Он умел угодить своему покровителю, великому канцлеру Цзи Сюэкану, и в то же время легко находил общий язык с простыми солдатами.

Чао Ган радушно улыбнулся и соединил руки в поклоне:

— Господин Ху, не пройдёте ли со мной немного?

Ху Юньшэнь ответил вежливым поклоном, жестом приглашая собеседника идти рядом.

— Господин Ху, — негромко и доверительно начал Чао Ган, когда они поравнялись. — Отроки в Великом золотом дворце подрастают. В прошлом году вопрос о наследнике должен был решиться, но командующие Железной армией выступили против. Всё сорвалось.

Ху Юньшэнь знал, что за добродушной и крепкой внешностью Чао Гана скрывается недюжинный ум. Раз уж тот решился остановить его, значит, разговор предстоит серьёзный.

— Господин министр... к чему вы клоните? — осторожно спросил он.

Чао Ган сделал шаг ближе, почти касаясь его плечом. Будучи на полголовы выше, он слегка склонился к собеседнику и прошептал:

— Великий канцлер полагает, что пока престол свободен, у каждого есть шанс. Даже самый младший, десятый принц, уже постигает науки под началом наставника Оуяна. Девятый принц, несмотря на юные годы, чрезвычайно прилежен в учении. Что уж говорить о старших братьях, вплоть до восьмого принца.

Он дружески похлопал Ху Юньшэня по плечу, но хватка его была весомой:

— Семья Ху из поколения в поколение держалась в стороне от соперничества за власть, что и позволило вашему роду сохранить высокий пост. Смотрите не оступитесь в самый важный момент.

Ху Юньшэнь почувствовал, как по спине пробежал холодок.

«Неужели слухи дошли до канцлера Цзи Сюэкана? — встревожился он. — Если так, то над нашей семьёй сгущаются тучи»

— Благодарю за предостережение, господин министр, — ответил он вслух. — Вернувшись в поместье, я строго ограничу круг общения детей.

— О, пустяки, не стоит благодарности, — отмахнулся Чао Ган. — Если честно, я должен благодарить вашего Ху Пэя. Говорят, он очень близок с восьмым принцем... А он... хм.

Чао Ган наклонился ещё ближе к уху Ху Юньшэня и усмехнулся:

— Он ведь неразборчив в связях. Ему безразлично, мужчина перед ним или женщина. Так что... держите ухо востро.

Оставив собеседника бледнеть от подступившей тревоги, Чао Ган выпрямился и продолжил путь как ни в чём не бывало:

— Моему Цо-эру посчастливилось стать учеником рода Оуян. Считайте, он исполнил мечту старого воина приобщиться к книжной мудрости. Мой род поднялся благодаря оружию, и нам всегда не хватало благородного имени. То, что вы, господин Ху, не побрезговали нашим простым нравом и поддерживали общение в праздники, наполняет моё сердце глубокой признательностью. Благодарю вас.

Ху Юньшэнь поспешно ответил вежливыми словами, заверяя, что Чао Ган преувеличивает его заслуги.

Чао Ган действительно был опасным и тонким соперником, раз сумел подняться так высоко под крылом Цзи Сюэкана. Даже праздничные подношения он подбирал с умом: дому Ху преподнесли редкие деликатесы и утварь — вещи неброские, но невероятно ценные, тогда как родственникам по линии Чао Цо были отправлены изящные золотые украшения. Он знал, кому и что дарить, не выставляя богатство напоказ.

Расставшись у ворот Южного Процветания, Ху Юньшэнь сел в экипаж и поспешил домой.

Узнав, что младшие члены семьи уже вернулись, он велел собрать юношей и девушек всех трёх ветвей рода в своём кабинете.

Отсутствовал лишь шестой племянник, Ху Ян.

Окинув собравшихся строгим взглядом, Ху Юньшэнь остановил взор на Ху Куне, старшем сыне второй ветви.

— Я собрал вас сегодня, чтобы узнать, как продвигаются ваши дела на службе и в учёбе, — холодно произнёс он.

Видя, что дядя смотрит на него, Ху Кун как старший среди кузенов шагнул вперёд:

— Я тружусь в Управе императорских предков под началом господина шэньфу. Мои обязанности связаны с учётом лошадей и фуража, мне часто приходится работать бок о бок с младшим смотрителем. Недавно господин шэньфу высказал мне свою похвалу.

Ху Юньшэнь кивнул. Ху Кун служил под началом министра императорских конюшен уже долгое время, медленно и упорно продвигаясь по службе. Такая скромная должность вряд ли могла привлечь внимание принцев.

Ху Чэнь почувствовал на себе взгляд дяди и судорожно сглотнул.

— Дядя... я прилежно учусь у лекарей в медицинском приказе. Всё идёт хорошо.

Встретив непреклонный взор главы дома, юноша, не отличавшийся в последнее время рвением к делам, пробормотал:

— В настоящее время... состою в звании младшего лекаря.

Глядя на его понурые плечи, Ху Юньшэнь почувствовал лёгкое разочарование. Хотя мать Ху

Чэня была младшей наложницей, в Великой Чжоу давно не существовало рабства. Его второй брат, Ху Юньчжи, когда-то полюбил её всем сердцем и ввёл в дом. Семья этой девушки по положению превосходила даже род любимой равной жены Юньчжи, но бедняжка согласилась войти в их дом на правах младшей супруги, словно околдованная.

Ху Юньшэнь подавил вздох.

— Медицинский приказ ведаёт здоровьем императорской семьи. Хотя эта должность и не сулит громкой славы, она подчиняется напрямую государю. Если ты станешь выдающимся лекарем, то займёшь достойное место среди мужей империи.

— Племянник запомнит ваши слова, — поклонился Ху Чэнь и отступил назад.

Ху Тан шагнул вперёд с непринуждённым изяществом и доложил:

— В ведомстве Великого ритуала я надзираю за хранением священных инструментов и музыкальных приборов. Поскольку пышных пиров в последнее время не устраивали, служба идёт своим чередом.

Ху Юньшэнь кивнул. Ведомство Ху Тана подчинялось непосредственно ему как великому церемониймейстеру. Каждый шаг племянника был у него перед глазами; этот юноша никак не мог быть замешан в интригах принцев.

Значит...

Его взгляд скользнул мимо Ху Юньлин, которая кокетливо прикрывала лицо веером из павлиньих перьев, и остановился на Ху Юньшань и Ху Пэе.

Сердце Ху Юньшань пропустило удар — она поняла, к чему клонит дядя. Выступив вперёд, она опустила глаза:

— Дядя, я прилежно занимаюсь науками и не совершала ничего предосудительного.

Ху Юньлин, заметив нахмуренные брови главы семейства, с улыбкой вмешалась:

— К чему такие оправдания, восьмая сестрица? Дядя лишь спрашивает о наших успехах, зачем сразу говорить о «предосудительном»? Или слухи не врут, и твоя свадьба с шестым принцем действительно не за горами?

Ху Юньшань злобно зыркнула на сестру, но, встретив суровый взгляд дяди, упрямо вскинула голову:

— И что с того? Чувства между мужчиной и женщиной вполне естественны. Шестой принц благосклонен ко мне, и я не совершила ничего, что могло бы опорочить имя нашей семьи. Дядя, прошу тебя, суди справедливо.

Ху Юньшэнь понял, что Ху Юньшань твёрдо решила связать свою судьбу с шестым принцем Сюаньюань Юэ. По возрасту они действительно подходили друг другу.

Но здесь крылись две опасности.

Семья Ху никогда прежде не выдавала дочерей за принцев... Неужели предсказание Пэй-эра о скором угасании их рода начинает сбываться?

Он взмахнул рукой и произнёс холодно:

— Ты можешь общаться с шестым принцем, но пока трон наследника пустует, о браке не может быть и речи.

— Но почему? — недоумевала Ху Юньшань.

Она верила, что её ум поможет Сюаньюань Юэ. Хотя великий церемониймейстер заведовал лишь императорской генеалогией и не имел реальной силы, этот реестр был ключом, способным открыть ворота в провинции империи.

Ху Кун негромко кашлянул:

— Сестрица, наш род славится своей чистотой и не вмешивается в борьбу за власть. Твоё безрассудство бросает тень на репутацию отца и дяди.

Ху Чэнь добавил:

— Даже если государь назначит наследника, и им окажется шестой принц, не факт, что он возьмет тебя в жёны. А если трон займёт другой, твоё замужество за опальным принцем погубит и тебя, и нас. Только доброе имя семьи Ху сможет защитить тебя, если ты останешься его супругой.

Ху Тан, видя упорство сестры, согласился с братьями:

— Дядя ведь именно это имеет в виду?

Ху Юньшэнь кивнул, поочерёдно глядя на каждого из них. Никто из них не был глуп, но они слишком привыкли к покою и не стремились к большему.

— Именно так. Юньшань, какими бы ни были твои чувства, поспешность лишь навредит. Истинное счастье требует времени. Ты ещё молода, дождись окончания учёбы...

Но он беспокоился, станет ли шестой принц ждать её. Это была вторая проблема.

— А если он женится на другой? — с отчаянием воскликнула Ху Юньшань.

Очевидно, она уже думала об этом, поэтому и надеялась закончить учёбу в следующем году, чтобы сразу выйти замуж.

Ху Юньлин тихо рассмеялась:

— Нам ли, дочерям дома Ху, беспокоиться о замужестве? Но некоторые так и норовят связать себя с теми, чьи помыслы покрыты мраком.

— Тебя это не касается, старая дева! — вскипела Ху Юньшань.

— Ах ты... — Ху Юньлин замахнулась на неё веером.

— Довольно, — оборвал их Ху Юньшэнь. — Об этом я поговорю с твоим отцом.

Он лично попросит своего брата, Ху Юньчжи, чтобы его супруга Вэньчжан строже следила за дочерью.

Наконец его взгляд остановился на Ху Пэе.

Младший сын сидел с совершенно невозмутимым видом. Разгадав намерения отца, он заговорил прямо:

— Восьмой принц, Сюаньюань Дуань, действительно стал часто искать моего общества.

Ху Юньшань ядовито вставила:

— Да они практически неразлучны! Родные братья не бывают столь близки.

Ху Пэй взглянул на её покрасневшее лицо и спокойно улыбнулся:

— Отец, я понимаю твои опасения. Моё общение с восьмым принцем продиктовано исключительно тем, что студенты и студентки в университете проявляют ко мне излишнее рвение. А принц прекрасно справляется с ролью мухобойки, отгоняя назойливую мошкарку.

Ху Юньлин прикрыла лицо веером, пряча весёлую улыбку. Среди всех этих книжников Ху Пэй умел удивить.

Ху Юньшэнь удивлённо моргнул, переваривая слова сына. Он не знал, как реагировать. Интересно, догадывается ли сам восьмой принц о своей роли «мухобойки»?

Чао Ган уверял, что принц неразборчив в связях, но, зная ум и благородство Пэй-эра, Ху Юньшэнь был уверен: его сын не из тех, кто позволит себя использовать.

Как мало он знал о том, какие сладкие и горькие испытания уготованы его сыну ради чужого ребёнка.

Ху Юньшань продолжала гневно сверлить Ху Пэя взглядом:

— Ты смеешь использовать восьмого принца? Он ведь член императорской семьи, он так оберегает тебя...

— Неужели сестрица собирается донести на меня? — с мягкой улыбкой спросил Ху Пэй. — Но характер у принца лёгкий, сомневаюсь, что он примет это близко к сердцу.

— Прекратите, — оборвал спор Ху Юньшэнь. — Помните: наш род — единое целое. Возвысится один — возвысится все, оступится один — пострадают все. Выйдя из этой комнаты, забудьте всё, о чём здесь говорилось. Любое пятно на вашей репутации разрушит основы нашего дома. Юньлин, останься. Остальные свободны.

Когда кузены покидали кабинет, Ху Пэй намеренно отстал на шаг. Он провожал их взглядами.

«Единство нашей семьи — лишь иллюзия, — подумал он, глядя на удаляющиеся спины кузенов. — Каждый из них ищет лишь собственную выгоду»

Он медленно пошёл к выходу.

В кабинете Ху Юньлин, дождавшись ухода остальных, вольготно устроилась в кресле. Её тонкие пальцы плавно покачивали изящный веер из павлиньих перьев.

— Дядя, в последнее время мои отчисления в семейную казну только растут. Тётушка даже похвалила меня, — с улыбкой похвалилась она.

Глядя на племянницу, Ху Юньшэнь почувствовал, как вновь просыпается его заботливое дядино сердце:

— Тебе уже немало лет, Юньлин. Неужели твоя матушка Цзюйхэн не торопит тебя с замужеством?

— Моя матушка куда шире смотрит на мир, дядя, да и отец не слишком беспокоится. К тому же, впереди меня есть старший брат, Ху Ян, пускай он сначала женится, — рассмеялась Ху Юньлин.

— Почему твоего брата сегодня не было? — спросил Ху Юньшэнь, переходя ко второму вопросу.

— Матушка послала разузнать. Сказали, его завалили работой в ведомстве, не успел вернуться. — Она прикрыла лицо веером и хихикнула: — Наш бедняга наверняка опять бежит на побегушках у всех подряд.

Ху Юньшэнь вздохнул и махнул рукой, отпуская её.

— Дядя, я пойду, — грациозно поклонилась Ху Юньлин и, словно вырвавшаяся из клетки птица, весело выпорхнула из кабинета.

Миньюэ, слуга великого церемониймейстера, провожал её взглядом, полным затаённой нежности. Седьмая барышня была смелой, решительной, и вела дела с большей отвагой, нежели молодые господа. Только она осмеливалась вести себя столь непринуждённо перед господином Ху.

Но ей шёл уже двадцатый год, она делила одну утробу с шестым молодым господином Ху Яном, однако до сих пор оставалась незамужней. Это не могло не тревожить. Какой мужчина сумеет завоевать её сердце?

— Миньюэ...

Ху Юньшэнь позвал слугу несколько раз, прежде чем тот опомнился. Заметив этот влюблённый, затуманенный взгляд, устремлённый вслед племяннице, господин Ху ощутил внезапное раздражение садовника, заметившего, как чужой поросёнок заглядывается на его лучшую капустную грядку.

Он похлопал Миньюэ по плечу и нахмурился:

— Ступай к госпоже. Передай, чтобы сегодня вечером в главном зале накрыли стол. Пусть позовут второго и третьего господ отужинать вместе со мной.

— Слушаюсь, хозяин. Я мигом, — смахнув выступивший от испуга пот, пробормотал Миньюэ и поспешил прочь.

Ху Юньшэнь покачал головой, глядя на опустевшую садовую дорожку, и вернулся к делам.

Вскоре Миньюэ вернулся. Он запыхался от быстрого бега, но принёс ошеломляющую новость:

— Хозяин! Госпоже нездоровится! — заметив, как побледнел его господин, слуга поспешно добавил: — Лекарь только что ушёл. Сказал... сказал, что госпожа понесла!

Ху Юньшэнь замер, его нога так и осталась занесённой над порогом.

Ему показалось, что он ослышался. Он переспросил:

— Что ты сказал?

— Поздравляю, хозяин! Госпожа беременна! Ляньпэн передала, что... — Миньюэ отчаянно хватал ртом воздух и показал два пальца.

На мгновение Ху Юньшэнь потерял дар речи. Опомившись, он осознал, что стоит, глупо застыв на пороге, что совершенно не подобает благородному мужу.

Преодолевав смущение и захлестнувшую его радость, он перешагнул через порог и со всех ног бросился к покоям супруги.

Он бежал, затем переходил на быстрый шаг, затем снова бежал, и у ворот двора Цзи Муюнь оказался совершенно запыхавшимся.

По пути он вспомнил, что в последний раз забывал о благородных приличиях и бежал сломя голову много лет назад, когда слуга принёс ему весть: «Госпожа рождает!»

Ещё не вошедший в комнату, тяжело дыша, он позвал негромко, но взволнованно:

— Жена!

Цзи Муюнь взглянула на его покрасневшее, покрытое потом лицо, строго шикнула на Ляньпэн, которая тихо хихикала в углу, и поспешила поддержать мужа. Но Ху Юньшэнь сам бережно усадил её в кресло.

Их взгляды встретились. В них читалась нежная преданность, но в то же время сквозило лёгкое, едва уловимое смущение.

Поздняя беременность, словно жемчужина в раковине старого моллюска, заставляла их чувствовать себя немного неловко, но сердца их переполняла чистая, непередаваемая радость.

<http://bllate.org/book/18313/1760832>